

Роман Кузьма

Раскалённые
сердца

Цикл "Оледеневшая
Земля"

16+

Роман Кузьма
Раскалённые сердца

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Кузьма Р.

Раскалённые сердца / Р. Кузьма — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Глобальное похолодание, экологические катастрофы, заселение космоса — это реальность для людей, живущих в XXIV веке. Нередки и войны — одна из них, с сепаратистами Марса, только что закончилась. Но есть вещи и пострашнее войны, в чём предстоит на собственном опыте убедиться второму лейтенанту резерва Виллему ван Хойтену...

Содержание

Раскалённые сердца	5
2	8
3	11
4	15
5	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Раскалённые сердца

1

Стихли последние крики и стоны, и на окровавленном песке арены остался только победитель. Зверь, привезённый откуда-то из дальних южных краёв, чтобы развлечь столичных зрителей, включая самого императора, яростно озирался. В холке тварь уже не уступала слону – могучая, многоногая, покрытая красно-жёлтым, под цвет арены, панцирем, она выглядела по-настоящему угрожающе; там, где у людей располагаются лопатки, в стороны торчали обрезки поблёскивающих, как стекло, крыльев. Крылья удалили полгода назад, когда чудовище было совсем маленьким, не больше телёнка. С тех пор *луззилагн* – так называлось существо – вырос, поглотив, самое меньшее, полтораста овец, и считался вполне достойным того, чтобы предстать перед взорами нобилей.

Игры, конечно, обходились дорого. Несмотря на то, что в некоторых столичных кварталах нищета шла руку об руку с голодом, подобная расточительность, если и вызывала недовольство, то при виде скованного тяжёлыми цепями луззилагна, оно стихало, уступая место благоговейному трепету.

Император, смотревший за боем из собственной, украшенной сусальным золотом ложи, высокомерно улыбался – он-то знал, что, имея в кармане столь жуткий козырь, всегда сможет запугать зачинщиков мятежа. Даже самые храбрые и гордые из мужчин невольно умолкали и покрывались плёнкой холодного пота при виде того, как луззилагн разбрасывает и рвёт на части своих противников – свирепых восточных варваров, взятых в плен и вооружённых за счёт устроителей празднеств.

Если бы варвары победили, им бы вернули свободу. Пустые надежды! Гигантское существо играючи опрокидывало всадников вместе с лошадьми, а выпущенные ими стрелы и удары копий едва могли пробить хитиновый панцирь, лишь возбуждая в душе луззилагна алчущую крови ярость.

В конце концов, все кочевники, ровно тридцать, были повержены, и луззилагн, противно чавкая, начал закусывать останками одного из врагов. Казалось, он пребывает в полном одиночестве – многотысячная толпа, наполнившая трибуны, умолкла, потрясённая увиденным.

Воистину, выведенные злым колдовством Чёрного Владыки твари ужасны!

Оправившись от первоначального шока, некоторые – почти наверняка, сплошь соглядатаи и провокаторы тайной службы – тут же начали высокомерно заявлять, что варвары, мол, получили по заслугам. Война, длившаяся десятилетиями и то затихавшая, то вспыхивавшая с новой силой, совершенно разорила некогда цветущие восточные земли, и единственным, кто был в этом повинен, являлись загорелые дочерна жестокосердные кочевники.

Чуть успокоившись, и более добропорядочные граждане заулыбались: действительно, император заботится о том, чтобы захватчиков постигла кара, более чем заслуженная. Кое-кто, предвкушая бесплатную раздачу хлеба, восторженно аплодировал. Находились и такие, кто злорадно улыбался:

– Да, грязные твари сегодня насытятся...

– Иначе не скажешь, уважаемый, – отозвался мужчина в шитых золотом одеждах, почёсывая массивное брюхо. – Многие люди от них недалеко ушли, я вам скажу. Вот я, конечно, не стану есть бесплатный хлеб, но ведь кровавая трапеза, согласитесь...

Его собеседник, льстиво улыбнувшись, просиял.

– Правда в ваших словах, уважаемый. – Распознав в разодетом в шелка дородном мужчине преуспевающего купца, он тут же предложил свой товар. – Не интересуют ли вас девочки, ещё не утратившие невинности, или...

– Потом, – благосклонно махнул полной рукой его сосед. – Я вижу, сегодня ещё будут горячие схватки...

– Под стать жаре, поразительной даже для нашего лета, э-э-э...

– Тиберий.

– Уважаемый Тиберий. Луззилагну предстоит ещё один бой с весьма необычным существом, также привезённым из Проклятых земель. Говорят, они там живут небольшими колониями, и сообща могут дать отпор луззилагну, даже убить его...

– Да, но ведь здесь он один, – недовольно надул пухлые губы купец. – Я не знаю, сможет ли хоть кто-то победить это животное в одиночку.

Луззилагн тем временем доел кочевника и, откусив изрядный кусок от его лошади, остаток зарыл в песок.

– Тварь делает запасы! – воскликнул кто-то сверху. Сутенёр, которого звали Гнеем, проследил взглядом за источником шума, и жестом принудил излишне беспокойного зрителя умолкнуть. Похоже, с Гнеем на трибунах считались. Тиберий, скривившись, мысленно подсчитал расходы на услуги, предоставляемые его новым другом, одновременно прикидывая, сколько будет стоить от него избавиться, если дружба начнёт превращаться в неоправданное бремя.

– Но у луззилагна подрезаны крылья, и он скован цепями. Это лишает его подвижности, – сказал Гней. – Хотите пари?

– Любопытное замечание. Пожалуй, я приму ваше предложение, но всё-таки прежде хотелось бы посмотреть на...

Словно отвечая Тиберию, завывли начищенные до блеска фанфары. Глашатай, говоривший от имени устроителей игр, поднял бронзовый рупор и объявил во всеуслышание, что чудовищный луззилагн будет сражаться против существа, именуемого «Вошь Дьявола». Выскочившая вскоре на арену тварь вполне оправдывала своё название: то была огромная, размером с лошадь, блоха, прикованная за одну из шести лап длинной цепью. Её тело, отвратительного белесого цвета, заканчивалось маленькой головкой с относительно скромных размеров челюстями.

Тиберий, придирчиво посмотрев на огромные, в несколько десятков шагов, прыжки «дьявольской вши», охотно принял предложенное пари.

– Уважаемый Гней, конечно, она очень прыгучая, но у неё нет шансов – достаточно луззилагну ухватиться за эту цепь – и всё, бой окончен.

– Как знаете, уважаемый Тиберий, – хитро улыбнулся сутенёр.

Бой начался не сразу. Луззилагн, которого перед выходом на арену не кормили, уже утолил свой голод, и был малоподвижен, в то время как «вошь дьявола», уступавшая ему размерами, не спешила атаковать. Лишь натянув цепи соответствующим образом, служители смогли разместить обоих насекомых друг напротив друга. Затем, с целью возбудить в тварях воинственный пыл, их стали забрасывать палками и камнями.

Первым попытался нанести удар многоногий луззилагн, однако целил он в людей, и лишь неимоверными усилиями удалось удержать гиганта на месте. Наконец, он махнул передней лапой, более всего похожей на гигантскую четырёхпалую руку, в сторону возбуждавшей всеобщее отвращение «дьявольской вши». Полупрозрачное порождение извечной Тьмы, она выросла вдали от дневного света, отчего выглядела по-настоящему омерзительно: её огромные чёрные глаза шурились от ярких солнечных лучей, а сама она жалобно попискивала, пытаясь ускользнуть от ударов могучих конечностей соперника.

Несколько минут продолжалась эта игра, а может, и гораздо меньше, ведь время, наполненное переживаниями, обычно растягивается, и мгновения тянутся дольше вечности.

Наконец, случилось именно то, что предрекал Тиберий: луззилагн наступил на цепь, удерживавшую «дьявольскую вошь». На трибунах немедленно разгорелись споры – случайно

это было сделано или умышленно, в результате умозаключений, свидетельствующих о наличии у чудовища разума.

Так или иначе, но полупрозрачная тварь уже не могла спастись при помощи длинных прыжков, уносивших её чуть ли не на противоположный край арены. Загнанная в угол и прижатая к стене, «вошь», казалось, была обречена. Но нет: едва противник, ужасающе огромный, наклонился, чтобы покончить с ней, «дьявольская вошь», будто оправдывая своё имя, прыгнула вперёд. Сделано это было с неожиданной злобой, с щёлкающим звуком, более всего похожим на боевой клич.

Избежав острых, как нож, серповидных внешних клыков луззилагна, белая тварь запрыгнула ему на морду и, не медля ни секунды, вонзила жало, дотеле незаметное, прямым в большой, как окно, глаз. Из огромной раны немедленно брызнула вязкая, горячая жидкость пурпурного цвета.

Луззилагн дико взревел от боли; ничего подобного даже столичные зрители, наблюдавшие самых диковинных и причудливых животных, в своей жизни не слышали. Выпустив из лап цепь, на которой сидела «дьявольская вошь», луззилагн, покачиваясь, пошёл назад; наконец, ноги перестали его слушаться, и он упал на спину, громко всхлипывая. Не прошло и минуты, как агония монстра, представлявшая собой не менее отталкивающее зрелище, чем недавний триумф, окончилась.

Трибуны, некоторое время пребывавшие в растерянном молчании, сначала робко, а затем – со всё нарастающей энергией, стали аплодировать. «Дьявольская вошь», словно поняв, что овации адресованы именно ей, радостно плясала по арене, пока её не утащили обратно. Там, в мрачном подземелье, победительнице предстояло находиться вплоть до следующего поединка.

Гней, загадочно улыбаясь, принял от Тиберия выигрыш. Несколько разочарованный неудачной ставкой, купец, тем не менее, признал, что зрелище того стоило.

Мысленно ругая себя за то, что не купил место в ряду подороже, где компанию ему составили бы куда более приличные люди, Тиберий поддался ещё одному искушению.

– Можете ли вы, уважаемый, предложить мне достаточно приятную партию на вечер, чтобы как-то скрасить, э-э-э... горечь поражения?

Ухмылка сутенёра, которая, казалось, не сходила с его лица, только меняя значение в диапазоне от угодливого до зловещего, стала заметно шире.

– Конечно, уважаемый Тиберий. Зрелище – для бедных. Состоятельные люди вправе получить более осязаемые удовольствия.

2

Виллем ван Хойтен почувствовал, что вернулся в реальный мир. Он пребывал у себя дома, в мягком кресле; в нос ударил резкий запах пропитавшего футболку пота и перегревшихся наносхем домашнего электронного комплекса.

Ментографические иллюзии исчезли – нанобиоархитектура отделилась от коры полушарий головного мозга. Бесчисленные наносоединения убрались внутрь провонявшего шлема; частью они остались в его теле, чтобы расщепиться на вполне усваиваемые организмом органические частицы и пополнить запасы исходного сырья для аминокислот и микроэлементов. По крайней мере, так утверждала реклама, а верить в ту ложь, на которую потрачены миллиарды, всегда благоразумнее, чем спорить с ней и отстаивать облачённую в лохмотья истину.

Ван Хойтен посмотрел на экран, разыскивая идентификационные значки остальных участников игры. Брезгливость и тошнота, вызванные длительным пребыванием в виртуальном теле «дьявольской вши», боролись в нём с упоительным чувством победы. Интерактивная игра «Империя Скардлайм и Царство Тьмы», каждый из эпизодов которой собирал десятки миллионов участников по всему миру, стала его главным развлечением в последние, наполненные праздностью, месяцы.

– Сегодня я побил тебя, Джек, – сказал ван Хойтен, включив аудио-соединение с нужным значком.

– Да, конечно, бледнолицее насекомое. До следующего раза.

– Пока, – устало выдавил он. Остальные участники к тому времени уже отключились, оставив на экране приветственные сообщения.

Несколько минут подряд он смотрел прямо перед собой, ничего не понимая. «Чёрт! – подумал он. – Я слишком устал».

Допотопный монитор, не получая дополнительных команд в течение минуты, отключился самостоятельно, и можно было спокойно подумать.

После возвращения из космоса демобилизованный ван Хойтен всё ещё не нашёл себе работу. Отчасти причиной тому был продолжительный курс реабилитации, порождённый стрессом Марсианской войны стресс и утратой физической формы. Последнее объяснялось длительным пребыванием в невесомости, которая ещё ни одному человеку не прибавила здоровья.

Впрочем, гораздо большую роль играла изменившаяся система ценностей, уже не позволявшая смотреть на мир по-прежнему. Ван Хойтена призвали в самом конце войны, когда Объединённые Вооружённые Силы Земли были вынуждены прибегнуть к мобилизации, чтобы компенсировать потери в живой силе «искусственных войск». Он прошёл необходимую подготовку, заключающуюся преимущественно в ментоусилении некоторых условных рефлексов, и один раз участвовал в «бое столкновении».

Вернувшись на Землю, он нередко удивлялся тому, как реагируют штатские на его форму с нашивками, свидетельствующими о том, что их владелец воевал и был ранен. Единственная схватка с противником, в которой он побывал под вражеским огнём, произошла на марсианской орбите. Закончилось она трагически – транспортник под названием «Окинава», перевозивший батальон десантников, к которому был прикомандирован ван Хойтен и его товарищи, взорвался, поражённый ракетой противника. Батальон так и не встретился с врагом лицом к лицу в решительном сражении, воспетом пропагандой. Более того: подавляющее большинство находившихся на борту людей даже не успело сообразить, что же именно произошло.

По счастливой случайности ван Хойтена не разорвало на куски, а лишь отбросило взрывной волной в открытый космос, дважды при этом ранив – в левое бедро и грудь. И вновь ему

повезло: осколочные ранения оказались не смертельными, а системы жизнеобеспечения скафандра сохранили продолжали функционировать.

Умная машина спасла хрупкий человеческий организм. Самозаклеивающаяся ткань мгновенно восстановила герметичность скафандра, а раны затянули временные повязки из подвижного нанобиопластыря. Сырьё для последнего хранилось непосредственно в подкладке скафандра и, несмотря на утрату гибкости, ван Хойтен получил отличную возможность многократно благословить разработчиков его экипировки за подобную конструктивную особенность.

Встроенный нанонейтритонный маяк автоматически подал сигнал бедствия и терпеливо зывал о помощи, пока она не прибыла. Не прошло и четверти часа, как ван Хойтена, блаженно улыбавшегося от вколотой мягкосердечным медицинским блоком скафандра лошадиной дозы болеутоляющего, забрала одна из носившихся повсюду в великом множестве спасательных шлюпок.

Когда он пребывал в космическом госпитале, поступило известие о том, что заключено перемирие. Так ван Хойтен, подобно остальным раненым, в один момент превратился в штатского.

Это было странное зрелище – наблюдать за реакцией обитателей палаты, когда они узнали о конце войны: кто-то ругался и потрясал руками, зачастую прошедшими ампутацию, и проклинал правительство, кто-то плакал.

Смешанные чувства накатили мощно и одновременно – гордость за Землю, осознание глупости и нелепости войны, облегчение, что всё закончилось – и лёгкое разочарование, вызванное нелепым ранением на самом пороге победы.

Нашлись и такие, кто смеялся, нередко с истеричными нотками в голосе – одного, полного, рослого парня из Кентукки по фамилии Севедж, смог успокоить только укол снотворного, сделанный спешно прибывшим на место события нарядом санитаров. Наиболее поразительным в таких обстоятельствах стало поведение уже немолодого сержанта, отслужившего едва ли не два десятилетия: кисло улыбнувшись, профессиональный вояка пробурчал что-то себе под нос – и чинно прошествовал в туалет.

С того самого момента для ван Хойтена началась долгая дорога обратно, в мирное общество. Как ни странно, но несколько месяцев в тренировочном лагере для новобранцев, считанные недели в космосе, из которых лишь одна-единственная секунда была «боем», а всё остальное – «подготовкой» и «лечением», полностью разорвали его былые связи с нормальным миром.

Здесь, на «гражданке», однако, люди и далее жили нормальной, полноценной жизнью: никто ни на кого не орал, требуя молниеносного исполнения дурацкого приказа, а те, кто так поступал, считались преступниками или сумасшедшими. Ван Хойтену, получившему звание второго лейтенанта резерва, поначалу было трудно привыкнуть к тому, что никто, даже последний сопляк – он никак не мог отучить себя от подсознательной оценки «нижние чины», – не отдаёт ему честь, проходя мимо.

Его «удалённый» терапевт, по совместительству оказавшийся психиатром, во время сеансов ментотрансляции в Глобал-нете, часто пенял ван Хойтену на лень. Оказалось, психологические проблемы связаны с утратой работоспособности – он попросту разнежился, отлёживаясь на больничной койке.

Память швырнула в него ворох воспоминаний. Огромный космический госпиталь строили из расчёта на пять тысяч мест, и многим эта цифра казалась избыточной, ведь, по сведениям разведки, марсианская орбитальная оборона в предыдущие месяцы боёв существенно ослабла. Можно было только предполагать, что она из себя представляла до «ослабления», поскольку с началом вторжения орбитальное пространство оказалось забитым обломками космических кораблей. Госпиталь оказался переполненным, и те, кого ранили в первые минуты

генерального сражения, могли считать себя везунчиками. Раненых, начиная с второго часа операции, пристраивали уже, где придётся.

Ван Хойтену действительно повезло, если слово «везение» вообще уместно в таких обстоятельствах; психиатр же не имел права так говорить с ним. Этот «удалённый» мерзавец – в представлении ван Хойтена он был полным, лысеющим мужчиной средних лет – паразитировал на ветеранах. Рассуждая об их лени, он, дипломированный врач, просто выказывал снисхождение и жалость – жалость преуспевающего за их счёт человека.

Впрочем, на обвинения он отреагировал должным образом, начав посещать фитнес-клуб. К сожалению, стало только хуже: преодолевая боль во время занятий в тренажёрном зале, ван Хойтен с каждым разом мотивировавший себя зрелищем взорвавшегося корабля, становился всё более обозлённым. Психиатр опять обозвал его неженкой, не способным нормально радоваться жизни, и ван Хойтен стал его игнорировать, возможно, потому, что в этих словах было слишком много правды.

Он жил в маленькой съёмной квартире, играл в популярную ролевую ментотрансляционную игру и понемногу свыкался с мыслью, что война закончилась, а вместе с ней – и жизнь, так и не успевшая начаться. Так или иначе, но адаптация к мирному существованию шла медленно: он так и не устроился на работу, а круг друзей ограничивался несколькими контактами из ментотрансляционной сети, с которыми он обыгрывал одну главу из истории Скардлайма за другой.

Он поборол желание в который раз спроецировать голографический документальный фильм, посвящённый операции «Джек-пот». Ван Хойтен крутил этот фильм десятки раз, обнаружив, несмотря на усиленную обработку кадров цензурой, и «Окиनावу», раздираемую взрывом, и даже собственное тело, выброшенное из взломанной скорлупы ударной волной.

Ван Хойтен улыбнулся отключённому монитору и усилием воли заставил себя встать. Его ожидал душ и долгие поиски работы в мире Глобал-нета, которым предстояло посвятить ночные часы. С его офицерским званием можно было бы закончить обучение в колледже, даже получить стипендию, но этих денег едва хватило бы на то, чтоб покрыть расходы на аренду квартиры, а идти в студенческое общежитие ему не хотелось, не говоря уже о том, чтобы возвращаться домой, к родителям. Он – офицер, и вполне способен обеспечить себя.

Тем не менее, реальное положение дел на рынке труда свидетельствовало об обратном. Узнав о его звании, менеджеры только разводили руками и отказывались трудоустроить на неквалифицированную работу, в то время как для руководящей должности ему не хватало слишком многого – образования, связей, опыта, наконец.

Он встал и сделал несколько поворотов туловищем, согнув руки в локтях, а потом, сместил центр массы на правую ногу и запустил воображаемый мяч на сторону поля проотивника. Воспоминания об игре за школьную команду, промелькнув в голове серией калейдоскопических картинок, вернули ему доброе расположение духа. В конечном счёте, всё не так уж плохо. Миллиарды остальных землян не имеют офицерского звания, и им незнакома радость победы над луззилагном. Нужно только принять душ и настроиться по-настоящему – и работа сама найдёт его.

Как ни странно, работа нашла его в тот же миг – монитор ожил, предложив ответить на звонок.

Впоследствии ван Хойтен, неоднократно анализируя события, которые завели его слишком далеко от Земли, даже предполагал, что имело место внушение или чтение мыслей при помощи засекреченных технологий ментотрансляции. Уж слишком странным казалось такое совпадение: стоило только подумать – и Глобал-нет ответил на его мысль. Впрочем, подобные соображения стали нормой гораздо позже, когда цепь трагических событий превратилась сплошной оживший ночной кошмар. Тогда же ван Хойтен улыбнулся своему везению и включил монитор.

3

– Виллем ван Хойтен? Здравствуйте, – седеющий, невзрачного вида мужчина жестом указал ему на вращающееся кресло перед письменным столом.

Это был один из множества крошечных офисов, состоящих из единственного кабинета, что обычно располагаются в однотипных небоскрёбах в деловом районе Нео-Йорка. Чтобы попасть сюда, понадобилось преодолеть путь в добрых пол-мили на лифте и почти ещё столько же – пешком, вилляя по запутанному лабиринту унылых серых коридоров.

Руководствуясь электронной инструкцией, полученной с нейтрино-сообщением, ван Хойтен успешно обнаружил искомую точку назначения – она скрывалась в крошечном тупичке у аварийного выхода. Уже сам этот факт свидетельствовал о многом: похоже, компания, пригласившая его на собеседование, явно не относилась к преуспевающим.

Впрочем, высокая зарплата, перспективы работы за рубежом, да и само название “LA Ltd.”, подразумевавшее Латинскую Америку как зону приоритетного интереса, свидетельствовали о том, что капитал большей частью сосредоточен в «новых штатах». В последовавшие за Присоединением десятилетия в эти нищие страны были инвестированы значительные средства, однако их население и сейчас едва ли выбралось из нищеты, что, конечно же, вынудило правительство принять ряд законов, ограничивающих миграцию «латов» на более благополучный Север. Отец ван Хойтена в своё время прослужил два с лишним года на одном из пропускных пунктов в штате Рич-Коуст¹ и рассказал ему о тамошних нравах достаточно, чтобы Виллем научился ценить первый класс гражданства. Конечно, климат в «латинской зоне» просто ужасный, но выбирать не приходилось.

Ван Хойтен постучал в пластиковую дверь, украшенную безвкусным орнаментом, и, услышав «войдите», произнесённое бесцветным, чуточку раздражённым тоном, ступил внутрь. Его взору предстал небольшой, всего два на два метра, кабинет, в котором едва умещался стол-терминал и два стула, один из которых на данный момент пустовал. Второй был занят маломерным, под стать помещению, мужчиной, подключённым к ментосети.

– Виллем ван Хойтен? Здравствуйте. – Заметив посетителя, мужчина расправил утлые плечи и окинул ван Хойтена пронзительным взглядом, столь же высокомерным, сколь невыразительными были его внешность и кабинет. – Меня зовут Харрис. Джейсон Уильям Харрис.

Выдержав многозначительную паузу, в ходе которой ван Хойтен невольно скользнул взглядом по табличке с надписью «Директор Дж. У. Харрис», вроде бы подтверждающей истинность слов собеседника, человек закурил.

– Курите? Нет? Отлично. – Тем не менее, себе в подобном удовольствии Харрис отказывать не собирался.

Со своим компактным ментошлемом на голове директор представлял собой весьма живописную картину. Ван Хойтен даже различил марку производителя устройства – престижную РМТЕ².

Харрис курил, аккуратно стряхивая пепел и демонстрируя безукоризненно ухоженные ногти, и одновременно пытался разглядеть своего гостя сквозь клубы дыма. Ван Хойтен поморщился и кашлянул: судя по тому, как отреагировали его непривычные к никотину лёгкие, Харрис предпочитал дорогостоящие сигареты с настоящим табаком. Это казалось странным, ведь ментошлем у него на голове позволял смоделировать все эффекты, вызываемые курением, без дополнительного риска для здоровья, однако у ван Хойтена сейчас не возникало желания

¹ “Rich Coast” (англ. «богатый берег»), перевод испанского “Costa Rica”.

² Precise Mental Translation Equipment (англ.) – Высокоточное ментотрансляционное оборудование .

обсуждать подобные причуды. Тем не менее, он решил отложить этот факт в памяти: Харрис любит себя и находит приятным удовлетворять свои собственные прихоти.

Директор, в свою очередь, улыбался, возможно, даже иронически, но ван Хойтен был не уверен – уж слишком густая дымовая завеса их разделяла, к тому же солнечный свет, лившийся из окна за спиной Харриса, скрадывал черты его лица. Ветерану марсианской кампании оставалось только молчать, приняв невозмутимый, с лёгкой тенью недовольства табачной вонью, вид. «Интересно, – думал он, – во сколько обходится Харрису одна пачка сигарет?». Со времён возникновения Великого Льда площадь посевов катастрофически уменьшилась, и многие культуры исчезли почти целиком, так что стоимость настоящего табака многократно выросла. Курение стало удовольствием, доступным лишь самым богатым людям.

Это породило целую группу выводов, даже как-то возник вопрос: а вдруг Харрис не столь уж беден, как, собственно, и компания, которую он представляет? Присмотревшись к материалу, из которого был пошит костюм директора, ван Хойтен предположил, что это действительно натуральная шерсть и, вполне вероятно, стоит он не менее сотни тысяч «джинкоинов»³.

Дальнейшее изучение хозяина кабинета дало ему дополнительную пищу для размышлений. Внешне они являлись почти полной противоположностью друг другу: рослый, по-спортивному сложенный ван Хойтен, достигал шести футов двух дюймов – и весил более двухсот фунтов, из которых значительная часть приходилась на тренированные мышцы. Он был в своё время звездой сборной школы, а потом и колледжа по футболу, и выбегал сто метров из одиннадцати секунд. Его светлые, как пшеница, волосы, и серо-голубые глаза на узком, обилующем прямыми вертикальными линиями, лице напоминали о легендарных северных предках, пришедших в Европу с мифического острова Туле. Подобно им, он действительно был потомком эмигрантов из Нидерландов, скрывшихся под ледником ещё в двадцать первом веке.

– Мы с вами до некоторой степени тёзки, мистер ван Хойтен, ведь Виллем – это голландский аналог имени Уильям. Вас в школе не называли Уиллом?

– Да, называли. И в школе, и в колледже.

Харрис раздавил остаток сигареты в пепельнице и устроился в кресле поудобнее, прежде чем продолжить расспросы:

– И на футбольном поле тоже, не так ли? Говорят, до армии вы были неплохим спортсменом.

Ван Хойтен слабо улыбнулся.

– По меркам провинциального колледжа – да. Вероятно, это повлияло на распределение не только стипендий, но и призывных повесток.

Харрис пожал плечами.

– Вы пробывали в армии от силы несколько месяцев – и уже офицер. Вероятно, вам не на что жаловаться.

Едва скрываемая насмешка проскользнула в этих словах, напоминая ван Хойтену об «удалённом психиатре». Решив не реагировать на вызов, он промолчал.

– В электронной анкете вы сказали, что готовы работать за рубежом, даже если это связано с опасностью для жизни.

– Если это оплачивается и если это законно, мистер Харрис.

На сей раз Харрис улыбнулся по-настоящему широко.

– Есть множество вещей, которые в отсталых регионах Земли считаются нормой, в то время как здесь они относятся к преступлениям... Но, совершённые *там*, они не являются поводом для судебного преследования *здесь*.

³ «Джин-коин» – название земной глобальной валюты (“GN-coin”, сокращённое от англ. “Great Nations’ coin”, «валюта Великих Наций»).

Ван Хойтен посмотрел на него и улыбнулся в ответ. Школьные учителя, тренера и преподаватели в колледже, полицейские, офицеры армии и Космического Флота – все они говорят подобные фразы и вопросительно улыбаются. Единственно правильным ответом является полное согласие.

– Я – второй лейтенант резерва. Если речь идёт о работе в вооружённой охране, как сказано в объявлении, я рассчитываю на должность и оплату, соответствующую моему званию. Если работа сопряжена с определённой опасностью для жизни и... э-э-э, риском, это должно оплачиваться согласно принятым нормам.

Харрис вежливо и даже как-то застенчиво улыбнулся и кивнул.

– Я вижу, вы – взрослый человек, мистер ван Хойтен. Хорошо, мы сделаем соответствующую отметку в вашем деле...

Харрис наклонился над столом, чья поверхность немедленно превратилась в монитор.

– Пойдите! Здесь сказано, что вы были капитаном подземной лодки. Это правда? – в расширившихся от удивления глазах директора промелькнуло нечто уважительное.

– Да, я – командир подземного штурмового средства⁴. Их разработали специально для боёв в марсианских тоннелях.

Глаза Харриса стали ещё шире:

– Да-да, о *субтерринах* много говорили в новостях, особенно после того, как война закончилась... Говорят, только благодаря им удалось сломить сопротивление противника.

Ван Хойтен посмотрел на Харриса через разделявшее их пространство так, как следовало бы изначально – как на низкорослого, незначительного офисного служащего, выдающего себя за важную персону.

– Я в этих боях не участвовал, мне о них ничего не известно, – холодно сказал он, дав понять, что речь идёт о военной тайне.

– Конечно, мистер ван Хойтен, – взгляд блеклых глаз Харриса стал заискивающим. – А что вы скажете о работе в весьма схожих, практически идентичных, условиях?

Не давая оппоненту опомниться, Харрис с пылом продолжал:

– Наша фирма выполняет один исследовательский контракт, заключённый с группой высших учебных заведений. Мы планируем через месяц отправить миссию на Энцелад, спутник Сатурна – в научных целях.

– Энцелад? – Ван Хойтен был готов поклясться, что никогда не слышал подобного названия.

– Это сплошной лёд, под которым есть солёный океан. Тяготение составляет одну десятую от земного. Миссия – чисто научная: поиск местных форм жизни, взятие образцов и тому подобное. Оплата...

Харрис распечатал контракт, тут же вылезший на поверхность стола из узкой щели, и протянул его ван Хойтену. Цифра, значившаяся там, удовлетворила бы и куда менее скромный аппетит. Отказываться было глупо: если он не согласится выполнить настолько важную и нужную миссию, его признают непригодным для работы вообще – и, вполне вероятно, остальным работодателям станет об этом известно тоже. Исследования Министерства Космоса, даже осуществляемые частными фирмами, давно и прочно связаны с разведкой, которую поддерживает безмолвная армия Министерства Безопасности Родины, а выступать против этой чудовищной силы не рискнёт даже сумасшедший.

Ван Хойтен писал не очень хорошо, предпочитая пользоваться дикто- и ментопринтингом, но подпись у него была эффектная – уверенная, размашистая, с несколькими завитками неповторимой сложности. Не зря он потратил на её создание долгие недели. Подтвердив подпись приложением отпечатка пальца, он передал документ Харрису. Тот с искренним удоволь-

⁴ UAC – Underground Assault Craft.

ствием зарегистрировал контракт в сети. Любой пользователь Национал-нета и Глобал-нета, обладающий необходимыми полномочиями, теперь мог с лёгкостью удостовериться в том, что Виллем ван Хойтен, двадцати одного года от роду, гражданин Соединённых Штатов Американских Континентов, второй лейтенант резерва, отныне является служащим компании “LA ltd”. Весьма внушительная зарплата, на уровне нео-йоркских менеджеров среднего уровня, дополнялась развитой системой надбавок и премий. Через полгода контракт мог быть продлён по обоюдному согласию сторон.

Харрис встал и протянул ван Хойтену ладонь для рукопожатия.

– Рад, что теперь вы – наш новый сотрудник. – Рука была чуть влажная.

– Я тоже, мистер Харрис.

Почти неуловимая, содержащая намёк на некую загадку, улыбка промелькнула на лице Харриса.

– С вами вскоре свяжутся. Рекомендую вам немедленно закрыть все дела коммерческого и личного характера – и ни при каких обстоятельствах не разглашать доверенную вам информацию об экспедиции на Энцелад. – Последние слова были произнесены категоричным, может, даже чуть угрожающим, тоном.

– Да, я вижу, здесь написано: «требования секретности, определяемые уставом компании и национальными интересами».

– Очень хорошо, что вы начали читать ваш контракт, мистер ван Хойтен.

Он встал, одёрнул пиджак – так, словно это был более привычный для него китель. Уже будучи в дверях, он услышал последний, наиболее странный, вопрос.

– Надеюсь, вы не боитесь внеземных форм жизни, мистер ван Хойтен?

Покачав головой, он вышел в лёгком замешательстве, не прощаясь. Более всего удивляла перемена в тоне Харриса – тот даже не пытался скрыть своей радости, торжества мелкой злокозненной сошки, сумевшей сотворить самую большую подлость в своей жизни.

4

Экваториальная Африка, несомненно, могла считаться лучшим местом для тренировки экипажей криоботов. В конечном итоге, они готовились к путешествию на Энцелад, самая высокая зарегистрированная температура на поверхности которого достигала минус ста двадцати одного градуса по Цельсию. И это отнюдь не являлось злой шуткой. Жаркий, удушающе влажный климат земель, ранее известных как суверенное государство Нигерия, по словам инструкторов, должен был подготовить будущих исследователей к парной, в которую превращаются тесные помещения подземных самодвижущихся снарядов уже после нескольких часов тоннелепроходческой работы.

Впервые услышав эти слова, ван Хойтен рассмеялся, поскольку, несмотря на то, что ему так и не было суждено ступить на поверхность Марса, он являлся капитаном боевой субтеррины. Когда через неделю после прибытия на чёрный континент в домике курсантов-командиров, как их называли, отказал кондиционер, ему и пятерым его новым соседям стало не до смеха. Все просьбы отремонтировать или заменить прибор новым не дали ни малейшего результата. Они находились в самом сердце джунглей, и добыть хоть что-нибудь в этих местах помимо воли локального директора Гарсии было совершенно невозможно.

Гарсия, чья от рождения смуглая кожа после перенесённой им лихорадки носила желтоватый оттенок, был худощавым, немногословным мужчиной лет тридцати пяти. Он никогда, даже в пасмурную погоду или в тёмное время суток, не снимал солнцезащитных очков, что порождало множество самых невероятных слухов и предположений. Жалобу на поломку кондиционера он выслушал молча, куря сигарету, и, так и не ответив, удалился в свой домик, загадочно улыбаясь. Улыбка эта, которой он имел привычку реагировать на любые просьбы и жалобы, обычно предвещала ещё большие неприятности.

Когда они вернулись в домик после дневных занятий, находиться там было уже практически невозможно. Тяжёлый, насыщенный влагой, воздух, казалось, затекал в лёгкие.

Двадцатипятилетний парень, именовавший себя Джоном Смитом, кое-что понимал в бытовой электронике, так как, по его словам, раньше работал продавцом в магазине электротоваров. Приставив одну из коек к стене, они помогли Смиту взобраться наверх. Тот потратил несколько минут на возню с перочинным ножом, прежде чем сообщил неприятную новость: кондиционер попросту сломан.

– Тут кто-то лазил, пока нас не было, и выкрутил ряд важных деталей.

– Ладно, слезай.

Совет продолжался недолго: Роберт Адамс, жилистый уроженец Южной Каролины, предложил отобрать необходимые запасные части у низших чинов.

– Мы имеем определённые права, позволяющие нам отдавать приказы и проводить занятия, – Адамс, по лицу которого струился пот, пригладил редующие волосы. – Выведем их на плац под каким-нибудь предлогом, или даже в джунгли, и всё сделаем.

Ван Хойтен пожал плечами – так как он был моложе всех и к тому же имел воинское звание, ему предстояло взять на себя выполнение самой трудной части плана. Мысленно представив себе ночную маршировку по размякшей от дождя грунтовой дороге в джунглях, и укусы голодных москитов, он невесело кивнул.

– Больше, чем на полчаса, меня не хватит. Постарайтесь сделать всё как-то правдоподобно – может, когда они включают свой кондиционер, там что-то перегорит, ну, или ещё что-то вроде этого.

– Не переживай на этот счёт, Виллем, – Адамс, чья ранняя лысина поблёскивала в свете электрической лампы, встал, его выправка, ранее не столь заметная, сейчас бросалась в глаза. Ван Хойтен мог только предполагать, в какой армии он её приобрёл. – Мы – курсанты-коман-

диры, нам положена более высокая зарплата и ряд других привилегий. Низшие чины просто не имеют права жить в лучших условиях, по какой бы причине это ни произошло.

Их замысел вполне удался. Несмотря на то, что из барака для рядовых несколько часов доносились вопли, свидетельствующие о том, что кража раскрыта, всё обошлось – ночь они провели спокойно, наслаждаясь тихим жужжанием кондиционера. Впрочем, уже на следующий день прибор вновь вышел из строя – Гарсия явно умел быть последовательным в проведении задуманной им программы обучения.

Джон Смит, который работал в компании уже несколько лет, сказал, что не привык ломиться в запертую дверь, и понимает, когда нужно отступить. В тот же вечер он и ещё двое курсантов-командиров написали рапорт о переводе. В спальне, рассчитанной на полдюжины человек, остались ван Хойтен и Адамс. Последний, едва закрылась дверь, начал декламировать стихи:

– Убийцы, люди падкие на кровь и деньги,
Сияньем золота привлечены;
Лишь ветер дым развеет от пылающих селений,
Исчезнут – солнечные распугают их лучи!

– Это твои?

Адамс удивлённо вскинул брови:

– Какую школу ты заканчивал, Вилли? Это Кэтлин Бамстед, величайшая поэтесса двадцать второго века.

Фамилия действительно показалась ван Хойтену знакомой.

– Не знаю, по-моему, я не все её стихи запомнил. Кое-что читал.

– Да, наверное, ты больше занимался футболом. – Адамс, хотя это было против правил, закурил прямо в помещении. Едкий сигаретный дым поплыл к потолку, упрямо минуя распахнутое настезь окно.

– Может, противомоскитная сетка не пускает дым? – с наигранной горечью в голосе спросил Адамс.

Ван Хойтен промолчал. Ещё в армии он привык к тому, что на субтеррине необходимы железные нервы и исключительная выдержка. Как он и предполагал, Адамс продолжил свой монолог.

– Возможно, мне стоило бы пойти вместе с ними, здесь ещё так много чернокожих террористов, которые не прошли тестирования по всемирно известной методике “LA ltd”: один выстрел – и тестирование завершено. Оказалось, что вы – не белый, Мистер-Даже-Не-Слушал-Как-Вас-Там...

Он сделал жест указательным пальцем, будто стреляет. Ван Хойтен снова промолчал. Американские войска высадились в Нигерии более ста лет назад, и с тех пор гражданская война, бушевавшая тут столетиями, так и не закончилась.

Адамс, словно читая его мысли, заговорил:

– Европейцы, когда их подвинул ледник, схватили всё оружие, какое у них было, и высадились на Ближнем Востоке. Так Войны за нефть превратились в Войну за землю. Наша армия имела столько земли, что даже не интересовалась подобными мелочами – мы начали Экологическую войну! – на сей раз Адамс воздел указательный палец вверх.

Предки ван Хойтена, вопреки выстроенной Адамсом концепции, перебрались из обледеневшей Голландии в СШАК, но он не желал вступать в бессмысленные споры. Если все думают, что выходцы из Европы – сплошь сумасшедшие и фашисты, не стоит давать пищу для кривотолков.

Он выключил свет. Было видно, как вспыхнула, разгораясь, сигарета.

– Проклятые туземцы вырубали слишком много лесов, чтобы обеспечить нас бумагой, а это уменьшало содержание кислорода в атмосфере. Теперь всё нормально, и я могу сам опре-

делять содержание кислорода и табака в моих лёгких, употребляя нашу национальную гордость – сигареты «Мальборо»!

Биография Адамса, да и остальных служащих компании, становилась всё очевиднее. Они сидели в этой дыре безвылазно, боясь, что дома их осудят за совершённые злодеяния, и воспользовались тенью надежды на свободу. Ведь полёт в космос – это так почётно! А потом испугались собственных мечтаний и отступили, предпочтя оставаться в кровавой кабале, созданной бесчисленными убийствами.

Кое в чём ван Хойтен был с ними согласен. Людям есть чего бояться и за пределами Земли, ведь Космос – ещё более тёмное и холодное место, чем долина Нигера.

5

Глядя на подземное штурмовое средство, ван Хойтен испытывал странное, щемящее чувство – так, будто он вернулся домой после долгих лет отсутствия. Несмотря на то, что он так ни разу и не командовал этой машиной в бою, он знал её как свои пять пальцев, помнил, где расположен каждый из бесчисленного множества датчиков, циферблатов и переключателей.

Снаружи субтеррина более всего походила на огромное металлическое насекомое – ван Хойтен с грустной улыбкой вспомнил, как «дьявольская вошь» вызвала в нём не объяснимый ничем прилив вдохновения. Эластично сочленённые отсеки ПШС прикрывали пластины брони, наслаивающиеся подобно рыбьей чешуе; шестнадцать четырёхсуставных конечностей были способны изгибающихся под любым углом, позволяя отталкиваться от пола и потолка одновременно. Благодаря такой конструкции субтеррина, извиваясь, как стальная змея, протискивалась в любую нору, поворачивая под углом, немыслимым для колёсных или гусеничных машин. Установленный в носовой части бур получал питание от реактора мощностью в два с лишним гигаватта, расположенного в следующем за ним отсеке. Третий отсек являлся командным постом; четвёртый предназначался для сна, здесь же находились кают-компания, камбуз и галюн; пятый отсек, обычно занятый взводом десантников, мог быть приспособлен под грузовой – хотя, как слышал ван Хойтен, существовала модификация с боевым пятым отсеком, в котором располагались пусковые шахты ракетных установок.

«В любом случае, – усмехнулся ван Хойтен, – эта единица наверняка переоборудована под контрабанду или же попросту забита разным хламом, который при необходимости может сыграть роль балласта».

– Что я вижу – супер-таракана? – спросил один из подчинённых ван Хойтена, носивший, как услужливо подсказала память, фамилию Андерсон. Это был склочный, сразу же вызывающий неприязнь, субъект; его отличала щербатая улыбка, вполне способная сделать из своего владельца преуспевающего актёра ментофильмов ужасов. Отсутствие у Андерсона технической специальности делало его перспективным кандидатом в смотрители галюна.

– Если вы, мистер Андерсон, сможете эффективно работать в составе команды ПШС, вы станете его, скажем... супер-интендантом, если вам нравится такое название этой должности.

На сей раз рассмеялись уже все, исключая самого Андерсона, который, впрочем, поспешно сделал подобострастное выражение лица – все они отлично знали, что бывает с теми, кто вступает в перепалки и, тем более, драки. Каждый должен был отработать определённый срок на “LA ltd”, однако отнюдь не обязательно космонавтом – компания, продолжавшая выкачивать из недр Африки остатки полезных ископаемых, обладала длинным списком вакансий, начиная от нефтяных скважин, постоянно подвергающихся атакам террористов, и заканчивая «операциями по обеспечению безопасности» в малярийных болотах. Те, кто пожелал бы расторгнуть контракт, рисковали, учитывая обстоятельства, по возвращении на родину оказаться на самом дне общества.

Результатом стало вполне осмысленное уважение к старшим по званию, характерное для профессиональной армии. Оно, впрочем, было сопряжено со всеми скверными обстоятельствами, возникающими в обществе, построенном на самом грубом принуждении, которое могло возникнуть только здесь, вдалеке от цивилизованного мира.

Экипаж ПШС состоял из семи человек: капитана, инженера-механика, штурмана-связиста и кока-стюарда, не считая трёх, сменяющих друг друга поочерёдно, вахтенных. В обязанности последних, кроме круглосуточного наблюдения за индикаторами приборов, входил ремонт бура. Буры ломались достаточно часто: причиной тому мог стать перегрев, механический износ, резкая смена пластов горных пород. Ремонтные работы за бортом субтеррины считались опасными для жизни, что, по мнению ван Хойтена, и было главной причиной выделения

целых трёх человек для исполнения обязанностей вахтенного, без которого, учитывая уровень развития современной техники, вполне можно было обойтись.

Это были те жизни, которые всегда можно было безболезненно потерять.

«С другой стороны, – поправил он себя, – экипаж, состоящий из живых людей – тоже анахронизм, любой компьютер самостоятельно справился бы со всеми задачами гораздо лучше». Однако, как показала Марсианская война, компьютеры слишком уязвимы к воздействию противника, применяющего направленные электромагнитные импульсы и нанонейтрифонные вирусы. Электроника выходила из строя либо начинала работать на врага. В результате ОВС Земли были вынуждены ограничить использование дистанционно управляемых единиц, обладающих искусственным интеллектом и объявить массовый призыв. Военное дело во многом откатилось к уровню, на котором пребывала несколько веков назад.

ПШС-Д, что означало «десантная», стала одним из образцов боевой техники, возникшей в новых условиях. Озадаченные горе-стратеги, планировавшие за полгода поставить Марс на колени, быстро оправались от первоначального шока и нашли тех, кто воплотит их безумные планы в действительность. Ван Хойтена, например.

После формального построения и краткой вступительной речи, более призванной привести подчинённых в исполнительное состояние, нежели действительно дать им какую-то новую информацию, ван Хойтен провёл экипаж на субтеррину. Потратив около получаса на описание боевых постов и служебных обязанностей, он вывел подчинённых обратно. Теперь у них возникло определённое представление о боевом подземном корабле, которое ещё предстояло развить и закрепить на практических занятиях и уроках с применением ментографа.

– Виллем, вы уже уходите? – Это был Адамс, возглавлявший команду “В”. Одному из двух экипажей предстояло отправиться в космос, на далёкий и загадочный Энцелад, второму – остаться гнить заживо в джунглях дельты реки Нигер.

– Специально для вас, Роберт, мы поменяли таблички на камбузе и гальюне местами.

– Вот как? Мы покатаем вас на буре за такую дерзость. – Адамс хлопнул рукой по мощному буру с массивной алмазной головкой. Тот выдавался вперёд из корпуса субтеррины на уровне груди человека среднего роста и выглядел достаточно внушительно. Ван Хойтен улыбнулся и, остановив руку, рефлекторно пытавшуюся отсалютовать – время, проведённое на субтеррине, оживило некоторые армейские привычки, – на полпути, повёл свою команду на следующее занятие. Невыносимая африканская жара, от которой кружилась голова, заставила его подумать об Энцеладе, состоящем большей частью из льда. То, что человек не сможет выжить при столь низких температурах без скафандра, его уже не сильно волновало.

«Энцелад, – подумал ван Хойтен, – похож на огромный шарик мороженого...».

– Ненавижу Африку, – произнёс он вслух.

– Все, кто прожил здесь достаточно долго, ненавидят это место, – ответил Джо Хьюз, его инженер-механик. – Однако нам всем далеко до директора Гарсии – он, если провести параллель, должно быть, останется здесь навечно.

– Если есть жизнь после смерти, то и дух его не покинет эти забытые богом места, – втирал Хьюзу штурман-связист, или, как ещё говорили, *штурмосвяз* Перри.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.